

# Отдел V

## Критика и библиография

Луйо Brentано. Аграрная политика. Гиз. 1929 г. Стр. 299. Цена 2 р. 85 к.

Брентано — один из видных ученых и катедер-социалистов Германии, в свое время много на шумевший и в буржуазной и в социалистической литературе. Брентано был и остается крупным врагом социалистов. Будучи плодовитым писателем-экономистом, он занялся «Аграрной политикой». Как уважающий себя экономист, он занялся не аграрными мероприятиями, а разработкой их теоретических основ. Он задумал дать по крайней мере трехтомную аграрную политику. Мечтам, однако, не суждено было сбыться и он выпустил только первый том. Первое издание этого тома вышло в 1896 г., когда немецкой буржуазии приходилось с боями отстаивать свои позиции от напора землевладельцев. Для того времени книга Брентано представляла интерес. Она вызвала большой шум. Второе, несколько подновленное издание вышло в 1925 г., в период нового значительного обострения отношений между землевладельцами и капиталистами.

Историческая давность наложила отпечаток на всю работу Брентано. Будем говорить проще — она совершенно устарела. Начинается она изложением развития агрономических знаний. При этом он «открывает» истину, что в сельском хозяйстве происходит такой же обусловленный силами природы процесс производства, как и в промышленности.

«Все, что происходит, — пишет Брентано — изменение различных форм материи, благодаря которым внутренние, присущие материи качества воздействуют друг на друга, обуславливая изменения форм материи» (стр. 2).

Высказав подобную мысль, Брентано спешит резервировать возможность ограничения. Он считает нужным, заметить, что «путь к бесконечному повышению производства», на который указывал Либих, как утверждение, является большой ошибкой. Растительный мир, оказывается, подчиняется, действительно особому закону, придающего специфические черты развитию сельскохозяйственного производства в отличие от промышленности. Таким образом, первый закон к сходству производственных процессов в промышленности и сельском хозяйстве перекрывается вторым законом падающей производительности.

Вторая глава открывается подобными же откровениями. Оказывается, земля ограничена, по отношению к растущему населению она сокращается. Одновременно человек повышает «урожайность почвы», но не так заметно. Непрестанно растущее население повышает спрос на сельскохозяйственные продукты, в результате происходит «повышение цен на сельскохозяйственные продукты» (стр. 16—17).

Для того, чтобы подтвердить свои положения, либеральный профессор приводит таблицу роста цен, приписывая рост цен только повышению спроса из-за увеличения населения. А как дело обстоит с падением ценности денег из-за потери их и из-за понижения ценности металлов? Не мог же забыть профессор о периоде падения цен, названном «революцией цен». Непозволительно ему упускать также и рост серебра, а затем и золота, вызвавших громадные ценовые пертурбации. Приписывать явления всего народного хозяйства только повышению спроса на сельскохозяйственные продукты по меньшей мере неосмотрительно.

Брентано нуждался в отмеченном допущении для того, чтобы в дальнейшем сифофански защитить и землевладение. «Чем выше поднимались хлебные цены, — утверждает он, — тем выше поднимались и издержки производства для владельцев земли...» (стр. 18). Брентано полагает, что растущие ренты делают дороже производство, хотя ни слова не говорит об издержках производства. Удорожание же производства может происходить не только вследствие роста издержек производства (см. немецкий текст, стр. 18).

По существу же Брентано ренту объяснит растущим спросом. Вина за возникновение и повышение ренты падает не на землевладельца, а на растущее население. — Мальтузианская истина.

Третья глава популярно на основе самых общих рассуждений излагает климатологию.

В следующих главах Брентано защищает ту же точку зрения на пересказе учения о системах сельского хозяйства. Ему кажется, что «каждая более интенсивная система производства получает более высокий валовой доход лишь при условии более значительных расходов; таким образом, — утверж-

дает он,—переход от экстенсивной к интенсивной системе хозяйства становится возможным лишь при повышении цен на сел.-хоз. продукты» (стр. 117-118). Главным доказательством считается разница цен в отсталых странах по сравнению с индустриально-развитыми. Маркс явления разницы цен привлекает для доказательства противоположного утверждения. Но какое дело Брентано до Маркса, хотя и сам автор считает, что в индустриальных странах процент на капитал падает, труд обходится дешевле и «лишь значительно повышается в цене земля» (стр. 118—119). Во-первых, рента, а следовательно, и цена земли не могут входить в издержки производства. Во-вторых, повышение земельных цен обусловлено не ростом населения, а само население и земельные цены зависят от роста производительных сил, ведущего к развитию народного хозяйства.

Рост вложен капиталом на 1 га обеспечивает повышение прибавочной стоимости, в результате чего получается больше земельной ренты и прибыли. Повышение ренты ведет к росту цен — к капитализированной ренте. Уровень развития производительных сил в индустриальных странах таков, что он обеспечивает высокое приложение капитала, что ведет к интенсификации сельского хозяйства, к интенсивным культурам. В таких поясах или странах системы экстенсивного земледелия не могут обеспечить высокую ренту с 1 га, поэтому они вытесняются интенсивными системами. Не земельная рента ведет к интенсификации, а интенсификация повышает земельную ренту. Земельная рента и цены обуславливаются ростом капиталовложений в сельское хозяйство. Брентано же кажется все наоборот. Он все поставил на голову.

Но даже если земельные цены получились бы и иначе, они все же, не представляя издержек производства, не могли бы служить опорой закону падающей производительности. Брентано включает земельные цены в издержки производства и по-буржуазному ставит вопрос об аграрной политике в таможенной проблеме.

«Если не существует закона падающей производительности затрат, то пошлины вовсе не нужны» (стр. 155). «Значительно логичнее требование пошлины тем, кто признает закон падающей производительности затрат...» (стр. 155). Выглянуло ослиное ушко борющихся классовых интересов. За будто бы академическими, теоретическими рассуждениями скрывается истинное назначение закона. В ловких руках Брентано этот закон направляется все же против землевладельцев. Введение пошлины на сельскохозяйственные продукты вызывает то, что «часть чистого дохода, который получают остальные отрасли народного хозяйства, обращается таким способом для покрытия дефицита сельского хозяйства», что в свою очередь «отвлекает труд и капи-

тал от отраслей, в которых они приносят народному хозяйству наибольший излишек, в отрасли менее доходные, даже убыточные. Многим этот народнохозяйственный ущерб кажется незначительным...» (стр. 155).

Конечно, от этого легкомыслия далека апология капитализма Брентано. Он до смерти боится перекачки капитала из промышленности в сельское хозяйство, он уверен, что в последней сфере капитал будет занят менее производительно. Причиной этого, конечно, является не землевладение, а закон падающей производительности.

Во всей схеме рассуждений Брентано ни в чем не оригинален. Даже в уменьши служить двум богам он только с меньшим блеском повторяет своих предшественников. Ведь из роли земельных цен может быть сделан вывод, что землевладение, являющееся монополистом земли, нужно устранить. Брентано даже находит сильные выражения против землевладения: «Земельная рента,—пишет он,—получавшаяся путем обработки наихудших земельных участков, была лишь средством для грабежа страны» (стр. 192). Тем не менее Брентано излагает архискофанский возникновение земельной собственности. «Чтобы старательной обработкой,—писал Брентано—предохранить ее от уменьшения продуктивности и даже добиться увеличения...», потребовалось признать частную собственность на отдельные участки (стр. 199). И дальше еще раз: «Причина и основа для оправдания института земельной собственности лежит в том, что без нее совершенно отсутствовали бы мелиорация и повышение механических и химических свойств почвы» (стр. 177); перевод отличается от немецкого текста несколько. Кстати сказать, это утверждение редакция сопровождает глубокомысленным и безграмотным замечанием: «исторически это было так», тогда как весь смысл состоит именно в том, что исторически было не так.

До частной собственности и после нее имело место гигантское развитие производительных сил. Сама частная собственность была формой, повышающей развитие производительных сил, но лишь в начальный короткий период. Затем она обратилась против развивающихся производительных сил. Землевладение стало гигантским тормозом прогресса сельского хозяйства. Ничем другим, как только землевладением, нельзя объяснить развитие при одновременной деградации сельского хозяйства. Слабость земельной собственности поставила сельское хозяйство Соединенных Штатов во многих отношениях впереди других стран. Словом, теоретически и исторически Брентано неправ. Он на удивление слаб и противоречив.

Брентано всячески защищает землевладение, а практически предлагает дробить крупные имения, так как видит в них толку не больше, чем в мелких. Для буржуазного экономиста третьего не дано. Он не только не может рекомендовать советский

пример коллективизации, но, чтобы быть принятым в хороших домах, чтобы не дать повода для сплетен «Мария Алексеевны», он «сердито ругается по поводу большевистской варваризации».

В результате вот что предлагает этот буржуазный либерал: «из предыдущего изложения вытекает, что уплата сельским хозяйством высокой цены за обрабатываемую им землю не в интересах народного хозяйства; чем больше он должен истратить на обзаведение земель, тем больше подвергается опасности цель, ради которой признавалась вообще частная собственность на землю» (стр. 218). Поэтому Брентано спешит на выручку землевладению. Он рекомендует положить в основу аграрной политики:

«1) стремление к тому, чтобы ни один земельный собственник не владел землей в большем количестве, чем это соответствует имеющимся у него средствам для обработки земли с необходимой при существующем положении интенсивностью, и чтобы поэтому не чинились препятствия к уменьшению землевладения отдельных сельских хозяев, поскольку это представляется желательным с народнохозяйственной точки зрения;

2) необходимость избежать всякого повышения земельных цен, причина которого лежит не в увеличении урожайности, а исключительно в монопольном характере земли» (стр. 218—19).

Верхом премудрости Брентано считает принцип экономической свободы. Он готов электически быть правым при всяком обороте процесса. Он и за мелкие и за крупные одновременно. Каждая из форм обладает недостатками и достоинствами. Выход из недостатков мелкого хозяйства может быть найден путем насаждения товариществ, основанных на родстве» (стр. 284). Исходя из противоречивой тео-

рии, Брентано решительно возражает против марксистского понимания аграрного вопроса.

Подведем итоги. В целях подведения базы под воззрения либерального буржуа Брентано привлекает агрономические данные не первой свежести. На них он основывает закон падающей производительности. Ими же подтверждает свои политические выводы. И база и социально-политические выводы страдают противоречием и слабой обоснованностью.

Книга написана в 1896 году в пылу политической борьбы, и тогда она находила оправдание.

В наше время книга утратила политический смысл, теоретически же книга принадлежит не к перворазрядным работам. Если Брентано и считается заметной величиной в буржуазном мире, то это происходит постольку, поскольку на плоском месте всякая болотная кочка может казаться холмом. Очевидно т. Бронский страдает такой aberrацией зрения: он болотные кочки принимает за горы и этим открытием спешит обрадовать «изумленные народы».

Однако напрасно старается т. Бронский, так как Брентано не дает достаточно интересного материала, Брентано не будет прочитан с большой пользой и т. д.

Сейчас не того требует советская страна. С развитием социалистического строительства все «солидные социально-либеральные ученые» страшно потускнели и измельчали. Страна гигантских масштабов требует соответствующей духовной пищи. Этого обстоятельства, к сожалению, не замечает т. Бронский. Иначе вряд ли мог бы появиться такой труд «солидного ученого» в русском переводе.

Г. С. Гордеев

А. Эссен. Основы генерального плана народного хозяйства СССР. ГИЗ. Стр. 123. Цена 40 к.

Построение генерального плана — дело в высшей степени трудное; требуется самая серьезная мобилизация всех сил страны для того, чтобы эту задачу разрешить. Работа над генеральным планом находится сейчас еще, можно сказать, в периоде своего начального формирования. Если суть генерального плана — как плана завершения переходного периода и построения социалистического общества, сейчас более или менее выкристаллизовалась, то нельзя сказать, чтобы методология, пути и формы его составления были твердо установлены и апробированы плановыми и научно-исследовательскими органами. Над этим предстоит еще весьма серьезно поработать.

Между тем, спрос на литературу, освещающую вопросы генерального плана в читательской массе, очень велик; всякое новое слово о генеральном плане массами буквально подхватывается. Брошюра тов. Сабсовича «СССР через 15 лет», являющаяся рабочей гипотезой масштабов продукции в генеральном плане, меньше чем за полугодичный срок выдержала 3 издания с солидным тиражом. При такой повышенном спросе несомненный интерес должна вызвать появившаяся рецензируемая брошюра А. Эссена. В самом деле как не заинтересоваться, когда тут только еще формируется мысль о генеральном плане, а т. Эссен уже дарит сразу читателя «Основными генерального плана».

В чём же заключаются эти основы.

Свою брошюру автор начинает с выяснения роли и значения плана в переходный период. Первая глава брошюры, посвященная этому, построена на рассмотрении вопроса о генезисе и телеологии в плане переходного периода.

Автор признает, что «попытки некоторых экономистов провозгласить в плане хозяйства переходного периода примат «генетики над телеологией» надо признать несостоятельными» (стр. 7), что «целевая установка—«телеология»—выдвигается на первое место по сравнению с генетикой», что сама трактовка вопроса очень туманна. Активный, действительная роль плана, в основе которого лежит ясно поставленная цель, активная роль «телеологии» в отношении самой «генетики» не вскрыта с достаточной полнотой, и при признании автором примата телеологии над генетикой дана совершенно неверная, односторонняя формулировка зависимости целенаправленной деятельности советской власти от законов причинности.

Автор пишет «лишь в той мере, поскольку эти законы (законы причинности, А. П.) будут познаны, освоены и применены, экономическая политика включится в общую цепь причинной зависимости, и телеологические установки претворятся в реальную действительность» (стр. 4).

Итак, «лишь в той мере, поскольку... познаны, освоены...»

Это—опportunистическая трактовка плана, никак не вяжущаяся с тем, что впоследствии говорит и сам автор. Можно сказать «маленькая неувязка».

Ничего не сказано автором в этой главе о содержании плана, объеме плана, рычагах планирования. А все эти вопросы достаточно важны в выяснении роли и значения плана. Однако автор, ничто же сумняшеся, утверждает, что «указанное выше содержание планов определяет их типы и методы построения» (стр. 10) и переходит к характеристике содержания и методов построения генерального плана.

Содержание генерального плана автор характеризует так: «он (генеральный план, А. П.) определяет основной материальный, технико-производственный фундамент и экономический костяк социалистического хозяйства, он же в виде генеральных линий экономической политики намечает способы придания создающимся на новой производственной базе общественным отношениям социалистического характера» (стр. 10). Задачи генерального плана таким образом охарактеризованы довольно верно, но о самом характере генерального плана автор говорит несурзные вещи. По его мнению в генеральный план это не конкретная программа воплощения в жизнь основной задачи революции, а «он намечает лишь основную программу построения социализма и генеральные стратегические линии классовой борьбы пролетариата»

(стр. 10). Он по автору «рассчитан на весь переходный период». Таким планом, как известно каждому мало-мальски сведущему человеку, является программа партии, и в ней даны генеральные стратегические линии классовой борьбы. Но никто еще пока не додумался до отождествления программы партии с планом народного хозяйства. Ведь неслучайно В. И. Ленин в свое время называл план второй программой партии, не случайно мы называем план народного хозяйства планом мобилизации сил для построения социализма, системой конкретных действий на определенном этапе для осуществления общей линии пролетариата. Своей же формулировкой тов. Эссен лишает план самого главного — его конкретности, его основного значения как рабочей программы великого коллектива строителей социализма. Генеральным план, конечно, менее конкретен, чем пятилетка, менее точен, чем пятилетка, но все же «это должны быть конкретный план движения, дающий не только стратегические общие линии, но и указывающий определенную, исходя из реальной оценки перспектив, расстановку сил».

Неверная оценка содержания генерального плана приводит его к другой грубейшей ошибке. Он утверждает, что «в своих количественных прикидках, носящих скорее иллюстративный, чем аналитико-вычислительный характер, генеральный план СССР исходит из пятнадцатилетнего срока своего осуществления, как такого срока, в течение которого, несмотря на крайнюю отсталость экономики СССР и даже при замедлении социалистического переворота в одной или нескольких решающих странах, может завершиться процесс перехода современных производственных отношений в социалистические» (стр. 10). Никто не будет спорить, что количественные прикидки в генплане занимают значительно меньшее место, чем в других планах, что количественные подсчеты играют «служебную, подчиненную запросам политики, экономики и техники роль»<sup>1</sup>, но что бы они имели лишь иллюстративное значение, пусть скорее иллюстративное, — это изобретено автором повидному от чрезмерного изучения основ генплана. Как мы уже говорили, наш план действителен, конкретен, ибо только тогда он может быть руководством к действию, а не рассказом с иллюстрациями.

Аналитическая работа определенного типа и при генплане неизбежна и необходима для определения оптимального пути нашего развития. Давать такую трактовку генплана, как делает наш автор, значит превращать генплан в ничего не говорящий документ, лишенный практического смысла.

<sup>1</sup> Н. А. Ковалевский. «Методология плана: реконструкция», стр. 5.

ла. Сомневаемся: нужен ли такой генеральный план?

Неверно автор поставил вопрос и о сроке. Конечно если исходить из того, что генеральный план должен только иллюстрировать, можно взять и 15 лет. Если же смотреть на дело иначе, то неизвестно еще какой срок будет определен для генплана. Априорные рассуждения здесь просто неуместны и могут быть обесценены только отсутствием глубокого сознания важности работы и значения генплана как документа мирового значения. Не выяснив как следует толком основ методологии генерального плана, автор однако утверждает, ссылаясь на дискуссию в клубе плановых работников весной 1928 г. о генеральном плане, что «методология генерального плана установлена твердо». Правда, эта дискуссия имеет большое значение, но сказать, чтобы она исчерпала основные методологические вопросы генплана, — очень поспешно.

Последующие главы брошюры А. Эссена посвящены отдельным проблемам генерального плана. В них мы находим отдельные правильные постановки вопроса, в частности в главах: «Энергетика—основа генерального плана», «Транспорт», где развиты отдельные соображения, интересные сопоставления, технические показатели, но ни в одной главе мы не находим основ генерального плана. Ряд вопросов, затронутых автором, имеет, конечно, прямое отношение к перспективам нашего развития, но как они будут отражены в генеральном плане, какие основные контуры хозяйства в нем будут намечены, какие основные установки технического перевооружения страны, географического

размещения производительных сил будут лежать в основе генерального плана, — этого автор «Основ генерального плана» не показал.

Рассмотрев основные проблемы технической реконструкции хозяйства, А. Эссен дает главу «Пути перехода в социализм», в которой приводится самая общая характеристика экономики страны и значение индустриализации и массового кооперирования мелкого производства как путей перехода в социализм. Характеристика, вторяем, дана самая общая, трафаретная и ни слова—о новом этапе в области соц. устройства сельского хозяйства, которым сейчас захвачена страна (массовая коллективизация, нарастание новых форм экономических связей с деревней и т. д.), и это преподносится под вывеской «Основы генерального плана». В таком же общем стиле написаны и остальные планы: «Культура», «Районы».

Таким образом брошюра А. Эссена не дает ни обстойтельного выяснения роли и значения плана в нашем хозяйстве, ни основных методологических проблем планирования и только знакомит с отдельными вопросами, вообще занимающими определенное место в перспективах социалистического строительства. Книга представляет собой скороспелую, непродуманную и неосновательную попытку дать «Основы генерального плана». Кроме того надо отметить, как серьезный дефект брошюры, что написана она сухо, академически, без политической остроты, которая необходима при выяснении таких серьезных тем, как «Основы генерального плана», да еще в популярной брошюре, рассчитанной на массового читателя. А. П.

Пав. Маслов. Перенаселение русской деревни. ГИЗ, 1930 г. Стр. 142.

Цена 1 р. 25 к.

Работа Маслова состоит из трех глав: 1) Перенаселение в пределах недоразвитой капиталистической среды; 2) Социальная природа аграрного перенаселения и 3) Условья преодоления аграрного перенаселения. Уже одни заголовки говорят о содержании и направлении книги. Автор ставит вопрос об аграрном перенаселении, как о продукте недоразвитой капиталистической среды, трактуя его как социально-экономическое явление.

Почти всю первую главу своей работы автор посвящает критике различных исследований по вопросу об аграрном перенаселении. Глава представляет как бы библиографию литературы по данному вопросу, вышедшей до и после 1917 г. Труды Гоземколоната, составленные под руководством проф. Лубны-Гердык и самостоятельные работы последнего, работы В. Постникова, вышедшие в 1891 г., исследования комиссии А. Полевова (1899—1901 г.),

статьи В. Воронцова (1907 г.) «Труд» Г. Нефедова (1910 г.), работы Н. Огановского, А. Татарчукова, Н. Меркулова, С. Чернобровцева и др. подвергнуты автором критике, хотя и недостаточно развернутой, но все же вскрывающей один основной и общий для всех исследований недостаток, заключающийся в том, что все они лишены марксистского метода.

Проф. Лубны-Гердык, подобно Г. Нефедову, начиная с 1900-х годов и кончая 1927 г., продолжает утверждать, что разрешение проблемы аграрного перенаселения можно найти только в сокращении прироста населения. Пав. Маслов вскрывает несостоятельность подобной постановки вопроса всеми дореволюционными исследователями и приходит к совершенно правильному выводу, что и некоторые современные авторы «в вопросах выбора путей для измерения явления аграрного перенаселения несколько не сдвинулись с места по сравнению с

приемами, которые применялись в весьма отдаленное от нас и весьма отличное от нашего время». В самом деле—ряд современных исследований (С. Чернобровцева, А. Татарчукова и др.) совсем почти не отличается от работ В. В., Г. Нефедова и т. д. Авторы не пытаются даже ставить проблему перенаселения, как проблему социально-экономического порядка, и исходят в своих построениях целиком из соотношений хозяйственных благ данного района и количества населения в целом, а также его занятости и др.

В первой же главе дается достаточная критика различных теоретических направлений в области норм землепользования. В этом отношении особенный «удельный вес» имела дореволюционная литература, преимущественно XIX века. Довольно обстоятельный разбор подобного рода исследований несколько даже излишне загружает рецензируемую нами брошюру.

Автор приходит к выводу, что только «анализ социальной природы аграрного перенаселения может дать ключ к правильной формулировке проблемы, что в свою очередь может служить шагом к ее разрешению».

Подводя итоги разбору различных исследований и определений аграрного перенаселения, автор отмечает, что все они «характерны в том отношении, что не дают никакого представления о том, из каких же слов вербуются избыточное население».

Во второй главе автор вскрывает социальную природу аграрного перенаселения, останавливаясь, главным образом, на методологической стороне вопроса.

Материалом для исчисления и выводов автора послужили труды комиссии по изучению аграрной революции в России и материалы Аграрного института Ком. академии. Почти все исчисления приводятся в основном по четырем-пяти волостям Тульской, Тамбовской и Курской губерний. Таким образом основной интерес представляют не сами исчисления, а методология и трактовка отдельных вопросов.

Исходя из имеющегося материала, автор разбирает крестьянские хозяйства на отдельные группы по обеспеченности орудиями и средствами производства и, кроме того, разбирает их на пять социальных типов. Комбинируя типологические данные с данными отдельных группировок по обеспеченности средствами производства, он устанавливает «социальные слои, образующие основу аграрного перенаселения».

К этим социальным слоям относятся беднота, не имеющая орудий и средств производства и вместе с тем не могущая выйти за пределы своего собственного хозяйства. Именно эти хозяйства хранят свободную рабочую силу, причем хранят ее до того момента, когда представится возможность выбросить ее на городской рынок труда».

Крестьянские хозяйства, не имеющие орудий и средств производства (плугов, рабочего скота и т. д.), но входящие в

состав чисто-землевладельческого типа Пав. Маслов определяет как хозяйства — очаги избыточной рабочей силы.

На конкретном материале автор подробно характеризует состояние и социально-экономическую значимость этих хозяйств-очагов, являющихся поставщиками избыточной рабочей силы.

Характерной особенностью рецензируемой работы является то, что Пав. Маслов, в отличие от авторов почти всех вышедших до сих пор работ по данному вопросу, четко разграничил проблему аграрного перенаселения от проблемы образования резервной рабочей армии. Он с достаточной убедительностью обосновывает явление аграрного перенаселения, как продукт недоразвитой капиталистической среды, и в этом отношении проводит грань между аграрным перенаселением и процессом образования резервной рабочей армии, как продуктом чисто капиталистических отношений. Особенно отмечается в работе неправильность отождествления этих двух проблем.

Все это надо отнести к достоинствам книги. Но, наряду с этими достоинствами, необходимо отметить и ряд недостатков.

Резко разграничив категории аграрного перенаселения и резервной рабочей армии—автор недостаточно четко и полно отделил взаимодействие указанных явлений применительно к нашей стране, во многом отличавшейся в дореволюционное время от развитых капиталистических стран. В дореволюционной России процесс расслоения крестьянства был мощным источником образования резервной рабочей армии при одновременно развивающемся капитализме и вместе с тем базой для аграрного перенаселения.

В связи с этим следует отметить также неточность и сомнительность отдельных формулировок книги, говорящих о некоторой непоследовательности автора. Так, например, в параграфе 17 о влиянии рынка труда Пав. Маслов говорит между прочим следующее: «Внедрение капиталистического начала вместе с расширением, с одной стороны, внутреннего индустриального рынка труда и, с другой, интенсивности и товарности сельскохозяйственного производства приводит к тому, что разорившиеся в процессе расслоения низшие слои крестьянства освобождаются от связи с землей, а обеспеченные средствами производства получают возможность повышения дохода от сельскохозяйственного производства и, следовательно, повышения темпа накопления. Отсюда быстрый отлив пролетаризированных крестьян на городской рынок труда и одновременное повышение производительных сил района. Поэтому в условиях всеобщего развитых товарно-капиталистических отношений в деревне об аграрном перенаселении не

может быть и речи» (разр. наша, В. Н.). Таким образом Пав. Маслов, абстрагируя свое положение, делает вывод, что в деревне с развитыми товарно-капиталистическими отношениями производительные силы в связи с расслоением растущего аграрного перенаселения существовать ни в коем случае не может, а разоряющееся крестьянство немедленно переселяется в город на жительство. В действительности, как известно, дело обстоит вовсе не так просто, и, делая такой вывод, автор по существу сам сходит с социально-экономических рельсов, упуская конкретную обстановку. Это тем более необходимо отметить, имея в виду, что речь идет о русской деревне.

Еще хуже то обстоятельство, что автор, перейдя к рассуждениям о советской деревне, не развернул вопроса о развитии социалистических форм земледелия и об их влиянии на процессы аграрного перенаселения. Не случайно поэтому мнение Пав. Маслова о суждении авторов сборника НК РКИ «К вопросу о социалистическом переустройстве деревни», сводящееся к тому, что ликвидацию аграрного перенаселения надо искать в реконструкции мельчайшего и мелкого крестьянского хозяйства в крупное кооперативное производство, как о «крайне поверхностном суждении». «Разве это не общее место?» — спрашивает Пав. Маслов, приведя это суждение.

Не случайно также и то, что автор, посвятив третью главу вопросам преодоления аграрного перенаселения, о коллективизации почти ничего не сказал, хотя и закончил книгу словами на эту тему.

Надо указать и на тот неправильный вывод, к которому автор приходит в отношении революционных сдвигов 1917—1920 гг. На стр. 77 Пав. Маслов заявляет, что «революционные сдвиги 1917—1920 гг. не получили отражения на величине перенаселенных хозяйств». Мало того, на стр. 119 автор договаривается до того, что... «резкая нивелировка последующего периода—1917—1920 гг.—также сопровождалась расширением хозяйств-очагов», т. е. хозяйств пауперов. Это выводы автор делает на основе данных нескольких волостей Центрально-земледельческой полосы. Нам думается, что автор неправ. Общеизвестна перегруппировка крестьянских хозяйств в социально-экономическом отношении, происшедшая

в результате Октябрьской революции и раскулачивания периода 1918—1919 гг. Как раз в этот период произошел резкий скачок в сторону осереднячения деревни. Много по данному вопросу написано в нашей литературе, в частности В. И. Лениным, и читать после этого утверждения Пав. Маслова о том, что революционные сдвиги 1917—1920 гг. не повлияли на аграрное перенаселение, а даже расширили количество хозяйств-очагов, по меньшей мере, страшно. Правда, автор говорит при этом о промышленной разрухе тех лет и об отливе рабочих из городов, но центральный пункт его рассуждений в этом аспекте является безусловно неправильным.

Приводит в сравнение период 1917—1920 годов с дореволюционным периодом нельзя по ряду причин. В революционный период действовали совсем другие социально-экономические факторы, чем в дореволюционный. Помимо массового отлива рабочих в деревню мы знаем о чрезвычайном упадке производительных сил деревни в этот период вообще. Но вместе с тем резкое усиление середняцкой группы крестьянства именно в эти годы очевидно. Все это должно было быть известно Пав. Маслову, тем не менее он смел нужным (на основании статистических данных!..) утверждать положение другого порядка.

Вообще анализу процессов перенаселения советской деревни автор уделил недостаточно внимания. Большая часть работы отведена трактовке методологии вопроса; перенаселения же русской деревни в целом или в значительной части она не отражает.

Все это, в свою очередь, надо отнести к недостаткам книги, снижающим ее достоинство и лишающим ее выдержанного марксистского метода в самостоятельном анализе, несмотря на то, что автор хорошо применил его в части критики буржуазных и необуржуазных исследователей.

Однако, брошюра является оригинальной работой. В ряду имеющихся книг по данному вопросу ей принадлежит одно из первых мест. Автору надо пожелать в следующем издании тщательно исправить все отмеченные недостатки, развернуть анализ влияния социалистических форм земледелия на перенаселение и тогда книга будет заслуживать большего распространения и рекомендации.

В. Носов

Проф. П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности XVIII и начале XIX века. Изд. «Прибой». 1930 г. Стр. 198. Цена 1 р. 70 к.

Работа П. Г. Любомирова посвящена такому вопросу, который, строго говоря, до сего времени привлекал чрезвычайно ограниченное внимание исследователей. Работы Туган-Барановского, Кулишера, Тарле, Лапшо-Данилевского и др., так или иначе освещавшие этапы истории русской промышленности до XIX в., дают достаточно оснований для дальнейшего углубления в историческую разработку вопроса. Кроме того генезис русского промышленного капитализма приобретает свою актуальность

в результате Октябрьской революции и раскулачивания периода 1918—1919 гг. Как раз в этот период произошел резкий скачок в сторону осереднячения деревни. Много по данному вопросу написано в нашей литературе, в частности В. И. Лениным, и читать после этого утверждения Пав. Маслова о том, что революционные сдвиги 1917—1920 гг. не повлияли на аграрное перенаселение, а даже расширили количество хозяйств-очагов, по меньшей мере, страшно. Правда, автор говорит при этом о промышленной разрухе тех лет и об отливе рабочих из городов, но центральный пункт его рассуждений в этом аспекте является безусловно неправильным.

и с точки зрения интересов сегодняшнего дня. Осуществляя огромную задачу коренной реконструкции нашей промышленности на совершенно новых началах ее пространственного размещения и производственной типизации, нельзя пройти мимо исторического прошлого русской промышленности и не изучить специфических особенностей промышленного капитализма России на первых этапах его развития. В настоящей книжке автор дает только первую часть задуманной им работы—организационную структуру промышленных предприятий XVIII в.,—но то обстоятельство, что уже к этой части привлечен большой архивный материал, к тому же мало использованный, знакомит нас с достаточно самостоятельной и оригинальной частью всей работы.

Была ли русская фабрика XVIII в. централизованной мануфактурой или же по своему строению она приближалась к предприятию типа «раздаточной конторы»— вот, собственно говоря, тот основной вопрос, ответом на который и является рецензируемая работа.

П. Г. Любомиров начинает свое исследование с суконных фабрик—и это не случайно. Это промышленная группа одной из первых в ряду других претерпела заметную специализацию производства, затем именно на предприятиях этой группы основные производственные процессы были мыслимы только в масштабе крупной организации производства. Анализируя отдельные процессы, автор приходит к выводу, что уже в первой четверти XVIII в. суконная фабрика «была построена по типу централизованной мануфактуры с большой концентрацией производства, с далеко проведенной специализацией производства» (33). В дальнейшем этот процесс централизации приобретает еще более отчетливый характер, хотя и сохраняет специфические особенности эпохи торгового капитала.

Почти в аналогичном положении находилось развертывание полотняных предприятий. Правда, полотняное производство отличалось от суконно-шерстяного несложностью производственных процессов, а это позволяло развиваться и прочно существовать мелким промышленным заведениям; тем не менее централизация производства и специализация его на полотняных фабриках выражены не менее сильно, чем в суконном производстве. В данном случае большое значение имело то, что в создании этой отрасли, продукция которой находила большое распространение на иностранных рынках, большую роль сыграл частный капитал, между тем как в суконном производстве преобладали правительственные капиталы.

В главе о полотняных предприятиях автор между прочим приводит любопытную архивную документацию, указывающую на

социальное распределение предпринимательства в этом производстве. В то время как купеческая фабрика шла по пути производства на рынок, дворянская, по преимуществу маломощная, работала, главным образом, для удовлетворения собственных нужд. Разумеется, это вытекало полностью из тех производственных отношений, которые существовали в крепостной России XVIII и XIX веков.

От приведенных обеих отраслей заметно отличалась шелкоткацкая промышленность. Здесь процесс централизации и роста определялся более замедленными темпами, причем специфические особенности производства на долгое время наложили на большинство предприятий шелковой промышленности отпечаток «домашности». Пожаль, ли в одной из приведенных отраслей практика раздачи предпринимателями заказов по крестьянским измам или же по посадским кустикам не применялась так широко, как в шелкоткацкой. Это сосуществование двух форм производства, разумеется, находило свое отражение в общем развитии шелкоткачества в России; за 35—40-летний период, охватывающий 1760—1800 гг., шелковая мануфактура почти не увеличила своих размеров, хотя наряду с этим в данной области наблюдается такое прогрессивное явление, как овладение капиталом кустарного производства.

Интересная глава—«металлургические и металлообрабатывающие предприятия».

Правда, она построена слишком схематично (повидимому автор, ограниченный местом, тем не менее достаточно отчетливо рисует организационную структуру металлургического и металлообрабатывающего предприятия в различной исторической обстановке. Разумеется, эта группа предприятий располагала всеми предпосылками для интенсивной централизации производства и общего роста.

Помимо приведенных трех отраслей промышленности автор уделяет две небольшие главы кожевенному производству и писчебумажной мануфактуре. Заканчивается рецензируемая работа главой, посвященной процессам объединения предприятий.

Нужно сказать, что последняя глава представляет особый интерес с точки зрения выявления тенденций известной концентрации и комбинирования производства. Ряд примеров, приведенных автором, указывает на то, что уже к середине XVIII в. существовали определенно сложившиеся производственные комбинаты, в которых, правда, не все элементы имели одинаковое промышленное значение. Начиная с 1760-х годов, т. е. с отмены монополий и регламентаций и предоставлением свободы в создании промышленных предприятий, рост объединений особенно усложнился, причем преобладающая роль в этом деле принадлежала купеческому капиталу. Дворянско-помещичьи капиталовложения сильно отставали от купеческих, хотя с конца XVIII

века дворянство начало заметно устремляться в промышленность.

Мы уже отметили в самом начале несомненную оригинальность работы П. Г. Любомирова. Однако она не лишена одного большого недостатка: мы не находим в ней ответа на такой большой вопрос, вытекающий из всего изложения—была ли Россия середины XVIII и начала XIX в. в промышленном отношении экономически отсталой страной или же она была экономически независимой от соседей. Между тем этот вопрос имеет большое значение для определения характера процесса централизации мануфактуры. В свое время дискуссия по данному вопросу (Чечулин, Тарле и др.) привлекла внимание и Г. В. Плеханова, причем необходимо отметить, что именно последний дал правильную установку в оценке экономического положения екатерининской России. «Для экономиста,—писал Плеханов,—важно не столько то, что производится, сколько то, как производится, т. е. какими орудиями производ-

ства и при каких производственных отношениях»<sup>1</sup>.

Разрешения вопроса в этой плоскости мы у Любомирова в рецензируемой части не находим. Говорить же о промышленной физиономии страны, не раскрыв производственных отношений, значит либо впадать в преувеличения, либо сводить работу к архивно-исторической описательности без каких-либо широких социально-экономических выводов.

Несомненно правильно отмечен в предисловии «от Издательства» и другой недостаток—выпадение из поля зрения автора кустарной промышленности, как самодовлеющего элемента. Действительно, в поисках «генезиса русского промышленного капитализма» на ряду с мануфактурой XVIII века нельзя было пройти мимо кустарной промышленности той же эпохи.

Подготовлена работа автором и издана хорошо.

И. Браславский

Я. Кваша и Ф. Шофман. Семь часовой рабочий день в текстильной промышленности. Гострудииздат, М. 1930 г. Стр. 146. Цена 50 к.

Рецензируемая работа является попыткой углубленно исследовать всю ту совокупность вопросов, которая связана с проблемой сокращенного рабочего дня, вообще, и с введением 7-часового рабочего дня, в частности. И надо отдать должное авторам: в подходе к изучению проблемы они обнаружили достаточно понимание ее экономической и социальной природы.

Наиболее существенный интерес эта работа представляет именно благодаря постановке вопроса прежде всего как проблемы организационной. Во всех исследованиях, посвященных вопросу о сокращенном рабочем времени, 7-часовому рабочему дню, всегда явно или в скрытой форме проводится мысль о компенсации и сокращения рабочего дня: дневная производительность труда после сокращения рабочего дня должна быть не ниже по крайней мере, нежели до сокращения; причем молчаливо предполагается, будто эта компенсация происходит сама собой, «самотеком», так сказать. Между тем ясно, что здесь проблема ставится на голову и заедута авторов рецензируемой работы заключается именно в том, что они с самого начала ставят ее на ноги, исследуя во всей совокупности ту сложную обстановку, которая предшествовала реформе введения 7-часового рабочего дня и которая создавалась после ее осуществления в результате определенно намеченных и проведенных мероприятий в области организации труда и производства. Вот именно, осветить вопрос о том, как организовывала текстильная промышленность свой 7-час. рабочий день, и было задачей авторов.

Ограничив свое исследование предприятиями текстильной промышленности и, главным образом, хлопчатобумажными фабриками, которые были переведены в первую очередь на 7-часовой рабочий день, авторы рисуют сначала ту обстановку, которая создавалась на этих предприятиях до проведения реформы, определяют то осложнение, которое было применено введением 3-й смены и в частности необходимость привлечения новой рабочей силы, описывают ту форменную революцию в организации труда—«уплотнение» работ,—которая последовала за сокращением рабочего дня, и исследуют, наконец, те непосредственные результаты, которые имела вся эта совокупность мероприятий в использовании оборудования, в производительности труда, в заработной плате и себестоимости. Причем на каждом этапе своего исследования авторы пытаются вскрыть и осветить все многообразие действующих и противодействующих факторов, их сложную взаимозависимость и взаимодействие, определяя в то же время степень влияния каждого из них. В общем на наш взгляд авторы дают образец правильного подхода к изучению проблемы.

К сожалению, выполнение задуманного ими плана не на всем своем пути может быть свободно от упреков. Центр тяжести всего исследования лежит, в конце концов, в вопросе о результатах проведения реформы, в исследовании «производительности» оборуду-

<sup>1</sup> «История русской общественной мысли». Изд. т-ва «Мир» М. 1928 г. Т. III, стр. 49. Разр. автора.

дования и производительности труда. И нам представляется, что в этих двух решающих пунктах своей работы авторами не сделано всего, что было бы необходимо для проверки и контроля тех показателей, которые они исчисляют. В другой связи авторы, касаясь изучения производительности труда, правильно отмечают, что «основные затруднения» в изучении этого вопроса лежат не столько в его «недостаточной методологической ясности», сколько «в сложности самого изучаемого явления» (стр. 38). И все же именно в этом центральном пункте исследования мы были бы вправе требовать от авторов большей обоснованности применяемых методов исчисления. Основные технические затруднения в исчислении указанных индексов заключаются в громадном многообразии изготавливаемого нашими хлопчатобумаж. фабриками ассортимента.

Как преодолевают авторы это затруднение?

Они представляют всю вырабатываемую этими фабриками продукцию в весовом выражении: суровые в килограммах, а пряжу — в килограммометрах. Здесь не место приводить соображения за и против такого исчисления. Можно полагать, что исчисляемые таким путем показатели будут, в общем и целом, верно улавливать характер происходящих динамических процессов, но есть основания думать, что такому методу расчетов присуща (особенно при меняющемся составе ассортимента) некая ошибка, размеры коей могут превысить те незначительные подчас колебания, которые дают и авторам и читателю право на определенные выводы. Возможно, правда, что тот относительно грубый прием исчисления, который авторы применяют, вполне оправдан, но это именно и надо было доказать и показать контрольными расчетами. В распоряжении авторов была возможность таких расчетов. Приходится пожалеть, например, что они не применили для исчисления производительности оборудования метода «использования коэффициентов полезного действия», а для производительности труда — индексов физического объема.

В той конкретной обстановке, в которой осуществлялось проведение изучаемой реформы, задача исследования решительным образом видоизменялась, ибо вопрос ставился не только о 7-часовом рабочем дне, а о 7-часовом рабочем дне при введении 3-й ночной смены работ. Если абстрагируясь от конкретной обстановки, можно было считать, что сокращение рабочего времени само способно создать импульсы к повышению продуктивности труда, то введение 3-й смены неизбежно должно было эти импульсы ослабить. Вторым обстоятельством, препятствовавшим непосредственно эффекту сокращения рабочего дня, является последовавший за осуществлением реформы набор новых рабочих. Привлечение новой рабочей силы оказалось тем камнем преткновения, с которым на первых

шагах столкнулась реформа. Именно поэтому авторы все свое исследование пронизывают наблюдением за этой вновь набранной рабочей силой. Они и начинают его с изучения процесса комплектования 3-й смены. Авторы шаг за шагом выявляют, в чем именно сказались отрицательные последствия найма этой «новой» рабочей силы: она не смогла дать ни необходимой нормы нагрузки, ни достаточно высокого уровня использования оборудования, ни достаточной производительности труда; кроме того она понижала средний уровень заработной платы, в то же время повышая стоимость обработки единицы изделия.

Центральным пунктом организации 7-часового рабочего дня было проведение «уплотненных работ», т. е. процесс интенсификации труда путем увеличения нагрузки рабочего большим количеством машин. Русские ткачи и ткачихи, например, почти не знавшие до войны иной работы, кроме как на 2 станках, и только в период восстановительного процесса начавшие исподволь привыкать к обслуживанию 3 станков, теперь не только осваивают эту последнюю нагрузку, но и выделяют мощную группу обслуживающих 4 станка. Вот несколько цифр: до введения 7-часового рабочего дня ткачей, обслуживающих 4 станка, было 1,4%, теперь — 24,6% всех обследованных; у ватерщиц на 4 сторонах до реформы работало 4%, после — 29%; у банкоброшниц на 2 машинках прежде работало 18,7%, теперь — 28,9%. Учитывая менее интенсивный рост нагрузки подсобных рабочих, авторы исчисляли средние нормы роста нагрузки для прядени в 14,3%, а для ткачества в 18,8%. Авторы правы, подчеркивая все революционное значение такой реорганизации труда. Отныне, говорят они, «перед рабочим, имеющим свое сельское хозяйство, во всей остроте встает вопрос о выборе между землей и фабрикой» (стр. 26). Ибо работа на 4 станках, требующая по крайней мере удвоенной механической затраты труда и неопределимого увеличения затраты нервной энергии, не оставляет теперь места для занятий сельским хозяйством.

Если бы приведенные коэффициенты увеличения нагрузки могли идти рядом с сохранением прежнего коэффициента полезного действия машин, то проблема компенсации сокращенного рабочего дня была бы решена одним ростом нагрузки, ибо рабочее время сократилось всего на 11% (41 ч. недельной работы против прежних 46).

Каковы же реальные достижения? Собственно говоря, трудно было бы ожидать, чтобы при указанном повышении нагрузки мог сохраняться прежний коэффициент использования полезного действия машины. И действительно по мере развертывания работ 3-й смены «производительность оборудования» проявляет неуклонную тенденцию к падению; в прядильных цехах первой группы предприятий, переведенных на по-

вую работу, этот процесс длится с самого начала периода (январь 1928 г.) вплоть до 1928/29 г., а в ткацком даже захватывает I квартал этого года. Максимальные нормы падения производительности оборудования авторы исчисляют для прядильного производства в 5,4%, а для ткацкого в 8%. По мере, однако, усвоения рабочими новых условий труда (увеличенная нагрузка, 3-я ночная смена), в течение первых 3 кварталов 1928/29 г. прядильщики быстро восстанавливают почти дореформенный уровень производительности оборудования, а ткачи, хотя и делают заметные успехи, но все же отстают от прежнего уровня примерно на 5%. Авторы выделяют 4 причины, обуславливающие, по их мнению, отмеченный факт: во-первых, вовлечение новой рабочей силы; во-вторых, увеличение нагрузки рабочих; в-третьих, ночные работы и, в-четвертых, существующая система учета выработки (не индивидуальная, а постановочная, т. е. сразу всей группы рабочих, занятых при данном станке в течение всех 3 смен). Что касается последнего обстоятельства, то, по видимому, мы имеем здесь дело не с причиной падения производительности, а с фактом неиспользованной возможности ее повышения. В отношении первых трех причин авторам безусловно удалось доказать, что все они играют существенную роль в падении коэффициента использования полезного действия машин. Несколько менее убедительными кажутся нам их расчеты степени влияния каждого из перечисленных факторов. Авторы сами подчеркивают, что подобное исследование (степени влияния отдельных факторов) требовало бы другого, индивидуального метода учета производительности... Все же те общие коэффициенты и соображения, которые они приводят, очень интересны и безусловно должны быть учтены при дальнейших углубленных исследованиях. Во всяком случае авторам намечены пути исследования и поставлены вопросы, подлежащие изучению.

Чрезвычайно интересна та часть работы, которая посвящена авторами исследованию заработной платы. Особенно интересны здесь группировки, определяющие средний уровень заработной платы для рабочих различного уровня уплотнения труда. Авторам удалось выявить, например, что при удвоении нагрузки (при переходе с 2 станков на 4) ткачи увеличивают заработную плату на 43,3%, при переходе с 2 станков на 3 — на 26,7%, а с 3 на 4 — 16%. Таковы же, в общем, изменения заработной платы у рабочих других профессиональных групп. Мы не можем, к сожалению, останавливаться

здесь на других частях этой интересной главы исследования. Отметим только, что авторам удалось вскрыть и показать все основные факторы, определяющие динамику заработной платы за рассматриваемый период. Уровень заработной платы все рассматриваемое время был выше, нежели уровень производительности труда.

Заключительным аккордом к этой части работы является исследование себестоимости. Отмеченное выше несоответствие динамики заработной платы и производительности на первом этапе сказало было неблагоприятно и на стоимости обработки единицы изделия. Впрочем, падение удельного веса вспомогательных рабочих, как и связанное с введением 3-й смены понижение ряда других накладных расходов, сказало в относительно небольшом уровне роста себестоимости. В последующем, в результате роста производительности, определенно обозначилось даже ее понижение.

В общем выводы, к которым приходят авторы, разрешают установить, что те неблагоприятные моменты, которые имели место на первом этапе действия реформы рабочего времени, легко могли бы быть устранены при большей подготовленности к ней предприятий. Анализ материалов группы фабрик, перешедших на 7-час. рабочий день в 1928/29 г. и имевших, следовательно, больше времени для подготовки, нежели первая группа фабрик, показывает правильность этой установки авторов. О том же говорят и приводимые ими данные по шерстяной промышленности. Таким образом, организационная сторона сокращения рабочего времени и здесь выступает во всей своей очевидности.

С другой стороны, эта проблема подчеркивается: в части полной санитарно-гигиенической, а отчасти и в бытовой неподготовленности перевода. В связи с непрерывной 21-часовой работой фабрик необходимо было, во-первых, усиление искусственного освещения. Ни то, ни другое в большинстве случаев своевременно не было произведено; и, само собой разумеется, оба эти обстоятельства вредно влияли на утомляемость рабочих, отражаясь отрицательно и на производительности их труда. То же в вопросах быта: скученное жилье с непрерывным движением круглые сутки на работу и с работы, проблема ночных яслей и т. д. и т. п. Весь этот круг вопросов лишь намечен авторами, но именно в виду их актуальности к ним следует привлечь самое пристальное внимание общественности.

В. Львов

В. Л. Беленький. Индексы производительности труда. Гострудиндат. 1930 г. Цена 1 р. 50 к.

Работа тов. Беленького не блещет богатством новых идей. Вопрос об измерении производительности труда давно получил широкое и всестороннее освещение в оживленной печатной дискуссии, происходившей несколько лет тому назад. Тем не менее рецензируемая работа представляет определенный интерес благодаря систематическому изложению и довольно полному освещению вопроса в статистической его части.

Теоретические точки зрения автора, по которым он пытается занять оригинальные позиции, не совсем правильны.

Вряд ли он прав в своем понимании терминов производительности труда и производительной силы труда. Тов. Беленький утверждает, что эти понятия у Маркса идентичны: «Во всех своих трудах, посвященных вопросам стоимости, Маркс буквально сотни раз касается значения производительности труда и почти всюду он вкладывает в этот термин и в понятие производительные силы труда одинаковое содержание» (стр. 38).

В рецензируемой же книжке тов. Струмилин—автор предисловия к ней—весьма убедительно цитирует из I тома «Капитала» доказывает совершенно противоположное,— что Маркс вполне отчетливо выделял понятие «производительной силы труда», под которой разумел «совокупность объективных факторов производительности, стоящих вне воли и качества рабочего» (стр. 11), т. е. условия природы, технику, методы организации труда и т. д.

Этим объективным факторам Маркс противопоставлял субъективные моменты, определяющие производительность труда—интенсивность и квалификацию труда. (Сообразно этому тов. Струмилин констатирует понятие индивидуальной «производительности рабочего»—производительности, определяемой этими моментами).

При оценке этих субъективных факторов тов. Беленький договорился до отрицания простого эмпирического факта—бесспорного влияния интенсивности и квалификации на степень производительности труда, пытаясь к тому же навязать этот взгляд Марксу: «С точки зрения марксовской теории стоимости, производительность труда определяется субъективными факторами производства—интенсивностью труда и его квалификацией—лишь постольку, поскольку они соответствуют существующему в данном обществе уровню культуры труда, тому, что Маркс называет «естественной напряженностью и приобретенной умелостью труда» и «средней степенью искусства рабочего». Следовательно при сравнении производительности труда различных народов мы ни в коем случае не должны были бы элиминировать различного уровня их интенсивности и квалификации» (стр. 39).

Это толкование обосновывается следующей цитатой из Маркса: «Если бы интенсивность труда подвиглась во всех отраслях промышленности одновременно и равномерно, то новая повышенная ступень интенсивности стала бы обычным, общественно-нормальным уровнем и, следовательно, не учитывалась бы более как экстенсивная величина труда. Однако и в этом случае средние ступени интенсивности труда у различных наций остались бы различными и потому видоизменяли бы применение закона стоимости к рабочим дням различных наций» («Капитал», т. I, Госиздат, стр. 527).

Отсюда т. Беленький делает тот вывод, что «на производительность труда влияют лишь те изменения интенсивности, которые становятся присущими данной стадии общественного развития» (стр. 40).

Надо отметить, что тов. Беленький весьма неосторожно обращается с текстами. Приведенная им цитата говорит не о том, как влияет на производительность того или иного рабочего или той или иной группы рабочих индивидуальное качество труда, но совсем о другом—о господствующих общественных стандартах или нормальных уровнях общественного труда, поскольку таковые определяют общественные масштабы трудовой стоимости. Индивидуальные качества отдельных рабочих, разумеется, на эти общие стандарты и масштабы влияния не имеют или же обнаруживают воздействие лишь после того, как превращаются в общепринятую норму. Так фиксируются критерии обезличенного общественно-необходимого рабочего времени, которые определяют и измеряют трудовую стоимость. Но какое же это имеет отношение к проблеме измерения производительности труда, которая обычно мыслится независимо от стоимости (или ценности), как вопрос об эффективности того или иного конкретного вида труда.

Сам тов. Беленький стремится оторвать эту проблему от ценности и ценностного аспекта всей системы своих индексов. Впрочем известное косвенное влияние интенсивности труда на производительность вынужден признать и он: «Возросшую интенсивность труда,—пишет он,—следует рассматривать как увеличение количества самого труда так же равно, как мы рассматривали бы рост его экстенсивной величины» (стр. 39).

Интенсивность переводится в единицы затраченного труда, но все же, оказывается, обнаруживает свое действие.

Индекс производительности труда тов. Беленький проектирует, опираясь на то положение, что измерение производительности в разрезе статки возможно только в пределах одного и того же производства с однородным продуктом: «Нельзя сравнивать про-

изводительность труда в разных производствах, а может иметь место сравнение лишь темпа изменений различных уровней производительности» (стр. 45). В последнем случае возможны только динамические показатели, а не статические.

Далее следует подробное описание технико-статистических деталей индекса, с помощью которого становится возможным сопоставление динамики производительности труда в разнородных производствах и сводная характеристика этой динамики по группам производств и всей промышленности. Основные принципы построения такого индекса были уже в свое время сформулированы С. Г. Струмилиным, так что на деталях их останавливаться не будем. Здесь же отметим только некоторые характерные моменты.

Прежде всего относительно весов, с помощью которых устанавливается удельный вес каждого слагаемого, входящего в состав индекса (вес составных динамических рядов).

Анализом математической формулы индекса т. Беленький доказывает, что в качестве весов должны выступить «доли затрат труда при производстве каждого из учетных продуктов в общей массе затраченного и учетного труда» (стр. 58). Наиболее правильными он считает переменные веса: «Постоянные веса можно и должно брать только в том случае, если исследователь ставит себе специальную задачу выяснить, какова была бы динамика производительности, если бы осталось без изменения распределение рабочей силы, занятой в производстве отдельных продуктов (или в отдельных отраслях производства), входящих в исследуемую совокупность» (стр. 60).

Мы думаем, что эта задача не является специальной и эпизодической. Главная цель индекса состоит в изображении чистой динамики явления, не затемненной побочными влияниями, в том числе со стороны постоянно меняющегося состава слагаемых процесса. Но элиминировать это влияние, как указывает сам автор, можно только посредством постоянных весов. Нужда в последних особенно велика, когда индекс охватывает длительный период, в течение которого возможны резкие сдвиги в соотношениях между отраслями производства.

Для измерения производительности труда огромное значение имеет выбор метода

учета продукции. Автор предпочитает учет натуральной продукции. Ценностный учет он допускает только при условии оценки в неизменных ценах, в случае чего «его можно рассматривать как суррогат натурального учета» (стр. 120). Кроме того он устанавливает и другие ограничения, главным образом, в виде устойчивого ассортимента продукции. Такое постоянство ассортимента может быть сохранено только в очень мелких подразделениях производства, представляющих собой более или менее однородную и устойчивую совокупность.

«Таким образом,—правильно заключает тов. Беленький,—ценностный учет продукции используется только для исчисления дифференцированных по отдельным производствам показателей. Что же касается совокупных показателей производительности для отдельных отраслей, охватывающих ряд производств, и для всей промышленности в целом, то они должны исчисляться «индексным методом», путем взвешивания показателей, дифференцированных по отдельным производствам» (стр. 121).

Несмотря на объективную оценку двух методов учета, автор оказывает предпочтение измерению в натуральных единицах, что является не совсем последовательным, если принять во внимание крупные недостатки этого измерения, им самим установленные.

За недостатком места мы не имеем возможности подробнее осветить этот пункт, равно как и весьма спорное предложение тов. Беленького относительно применения индекса цен при измерении производительности труда методом чистой продукции.

В рецензируемой книжке имеются еще два пробела, сказавшихся на полноте освещения вопроса. Первый заключается в том, что автор оставил без внимания очень интересный работу ЦСУ по учету производительности труда, которая ведется по квартальному балансу «В», между тем как в настоящее время—это единственно серьезная работа в данной области; вторым пробелом следует признать то, что автором не привлечена иностранная литература по вопросам, затронутым им в работе.

При всех перечисленных дефектах работа тов. Беленького оказывается полезным пособием как для статистика, так и для учащегося.

И. М. Гринштейн

«На фронте коллективизации». Двухнедельный журнал Всесоюзного совета и Союза союзов с.х. кооперации. №№ 1, 2, 3 и 4/5. Москва. 1930 г.

Издание специального двухнедельника, посвященного вопросам коллективизации сельского хозяйства, нельзя не приветствовать. Можно сказать, что Союз союзов в этом отношении даже несколько запоздал, начав издавать журнал с 15/XI 1929 г.

В выпущенных четырех книжках журнала подвергнуто освещению несколько актуальных вопросов с.х. кооперации на данном этапе ее развития. В №№ 1 и 2 помещены две статьи М. Ф. Владимирского: «О колхозной кооперации» и «Задачи

с.х. кооперации на новом этапе», посвященные решениям ЦК ВКП(б) по названным вопросам. В первой статье автор останавливается на взаимоотношениях и взаимодействии специальных отраслей сельскохозяйственной кооперации и колхозной системы. Автор правильно отмечает усложнение и увеличение задач отдельных видов с.х. кооперации в данный момент. В статье затрагиваются также вопросы форм связи с.х. кооперации с пролетарским государством, вопросы построения государственно-колхозных комбинатов и т. п. В этом отношении правильно заостряется вопрос о руководстве пролетарского государства через свои органы с.х. кооперацией вообще и в частности колхозной системой.

Вторая статья посвящена решениям ноябрьского пленума ЦК. По существу эта статья является продолжением первой, освещая важнейшие моменты в работе с.х. кооперации и особенно вопросы специализации.

Политика партии в деревне, вопросы ликвидации кулачества и позиции правых уклонов нашли отражение в передовых и нескольких статьях, помещенных в разных номерах журнала. Из этих статей отметим прежде всего статью М. Канта «Ликвидация кулачества как класса» (№ 4/5). Остановившись на разборе концепции правых оппортунистов в области развития сельского хозяйства, автор совершенно правильно трактует задачи партии и советской власти, направленные на коллективизацию крестьянских хозяйств. М. Кантор подробно останавливается на моментах усложнения руководство в связи с проведением сплошной коллективизации. В статье также обращается внимание на возможность бюрократических извращений, попыток декретирования и командования сверху колхозным движением. Автор совершенно правильно предостерегает от этих извращений.

А. Караваев в статье «Успехи колхозного строительства и обострение классовой борьбы в деревне» подробно останавливается на отдельных этапах борьбы кулака против колхозов. В статье получили освещение лжеколхозы, руководство сельсоветов колхозным движением и пр. Приводит конкретные примеры, автор показывает весь вред недостаточного руководства колхозным движением со стороны советов. При этих условиях возможно проникновение кулака в колхоз и варвар последнего изнутри. Статья заостряет внимание читателя на данном, наиболее остром этапе борьбы кулака против колхозов и намечает задачи местных органов в связи с обострившейся классовой борьбой.

Специальному разбору концепции правых посвящена статья К. Трошина «Путь социалистического строительства в оценке правых» (№ 2).

Несколько статей посвящено вопросам кадров с.х. кооперации. Почти все статьи первого номера журнала освещают этот во-

прос. Тов. Астерман в своей статье «Соц.-политическая установка в определении типа колхозных работников» действительно говорит только об установке в этой области. Статья, затрагивая чрезвычайно важный вопрос, тем не менее носит следы известной академичности, ослабляющей, разумеется, интерес читателя к этой большой теме. Более конкретной является статья Н. Карпина «Кадры для колхозной системы», помещенная в том же номере журнала. Автор останавливается на конкретном материале и намечает конкретные задачи в области создания достаточного количества кадров для колхозной системы.

В. Матюхин в статье «Реконструктивные задачи сельскохозяйственных вузов» совершенно правильно заостряет вопрос на чрезвычайно мизерных установках Наркомпроса в отношении выпуска специалистов-агрономов и недоучете необходимости специализации с.х. вузов в связи с реконструкцией сельского хозяйства. В первом же номере помещена статья С. Соркина «Массовая работа, как база подготовки кадров с.х. кооперации».

В № 4/5 большая часть статей посвящена вопросам весенней сельскохозяйственной кампании. Из этой серии статей надо отметить статью С. Соркина «Социалистическое соревнование и весенний сев». Автор довольно подробно останавливается на важнейших моментах социалистического соревнования в колхозах. В этом отношении вопросы обобществления семенных фондов, зерноочистка, ремонт инвентаря и т. д. являются боевыми вопросами колхозного движения и разрешение их через социалистическое соревнование—наиболее верный и лучший путь. Автор останавливается на формах соревнования, заключении договора, премировании и пр.

В. Кантовский в статье «Животноводческая кооперация в весенней сельскохозяйственной кампании» освещает наиболее важные задачи развития животноводства и конкретные мероприятия, которые необходимо провести в текущую весеннюю кампанию.

Задачи семеноводческой кооперации в весенней посевной кампании освещены в статье В. Богословского. Вопросам наиболее правильного и целесообразного использования трактора посвящена статья Д. Шабанова «Максимально использовать трактор». Автор приводит интересные данные о нагрузке трактора в разных районах и секторах и намечает конкретные пути большей загрузки трактора.

Серия статей на указанную тему заканчивается статьей П. Месяцева «Финансирование весенней сельскохозяйственной кампании». Автор приводит основные данные по финансированию отдельных секторов сельского хозяйства в предстоящей

кампании и намечает задачи местных органов в этой области.

В № 3 помещены две статьи, посвященные проблеме животноводства—Д. Давыдова «Реконструкция животноводства—очередная задача» и Н. Гершмана «Коллективизация животноводства».

В первой статье приведены статистические данные о развитии и состоянии животноводства у нас. Автор правильно отмечает как основную причину обострения проблемы животноводства—преобладание мелкого крестьянского производства, при котором животноводство имеет главным образом потребительское значение. Основными мероприятиями развития животноводства автор считает создание животноводческих совхозов и колхозов, развитие животноводства в старых совхозах, контрактацию скота, усиление процессов социализации и т. д. Как один из основных вопросов автором выдвигается также вопрос кормовой базы.

И. Гершман ставит вопрос о создании специальных животноводческих и птицеводческих колхозов. Надо сказать, что эта задача в настоящий момент партией не ставится еще как первоочередная. Редакция не согласилась с некоторыми взглядами автора, однако, своего конкретного мнения по этому вопросу не высказала.

Кроме статей, уже отмеченных нами, в журнале напечатан еще ряд статей. В частности надо отметить статьи: М. Гуморова «О функциях поселкового производственного кооператива» и Г. Рогозина

Султанзаде. Экономическое развитие Персии и английский империализм. Издание КУТВ имени И. В. Сталина. Москва. 1930 г. Стр. 138. Цена 2 р. 50 к.

Рецензируемая работа т. Султанзаде, анализирующая экономику Персии и роль в ней иностранного, в частности английского империализма, представляет значительный интерес уже в силу самого объекта исследования.

Исследование т. Султанзаде делится на две (и количественно, и качественно) непропорциональные части: первая часть выдвигает и анализирует проблемы экономического развития страны, а вторая часть—проблемы социально-политического порядка.

Экономическое развитие Персии и, в частности, ее современная экономика освещены в работе т. Султанзаде недостаточно полно; указанный пробел объясняется, в значительной степени, слабым привлечением иностранного материала. Правда, экономическая литература о Персии бедна, однако исследователь мог бы прибегнуть к целому ряду источников косвенного порядка: в этом отношении чрезвычайно полезно было бы использование немецких источников, в частности немецкой периодической печати: „Wirtschaftsdienst“, „Magazin der Wirtschaft“.

«С.х. кооперация на пороге второго года пятилетки». Кроме того в журнале в отделе «Материалы» помещены статьи и заметки о батрачестве в с.х. кооперации, неделимых капиталах и т. д. В № 2 напечатана статья В. Шаумяна, А. Кузнецова и С. Морозова «Таловская тракторная колонна», характеризующая конкретную работу названной колонны.

Надо отметить, как один из основных недочетов журнала—недостаточность практического материала о колхозном движении, помещенного на протяжении всех 5 номеров. Редакция следует отводить место в каждом номере журнала для освещения работы того или иного колхоза и тракторной колонны.

Кроме того необходимо освещать такие вопросы, как вопрос организации труда в колхозах, организации всей работы колхозов вообще. Необходимо освещать конкретные задачи колхозного строительства. Недостаточность статей на эти темы является большим недостатком журнала.

Журнал должен явиться не только боевым органом, освещающим теоретические вопросы колхозного движения вообще, но и в большей степени, должен освещать практические задачи организации колхозного движения.

Необходимо также пожелать редакции несколько популяризовать язык статей, имея в виду, что журнал должен быть предназначен для широкого актива, работающего на фронте коллективизации.

В. Н.

Богатый и интересный материал, главным образом об экономике Персии, приводится в изданных германским государственным статистическим управлением (Statistisches Reichsamt) ежегодниках по мировому хозяйству: „Wirtschaft des Auslandes“ (в частности за 1927 и 1928 г.).

Благодаря недостаточному использованию иностранных источников, т. Султанзаде анализ экономики Персии ограничил, главным образом, сферой внешней торговли.

Вообще говоря, для анализа экономики колониальных и полуколониальных стран внешняя торговля (структура, динамика и направление экспорта и импорта, суммарная динамика внешне-торговых оборотов и т. д.) является экономическим показателем, наиболее полно освещенным в литературе и, следовательно, наиболее полно поддающимся анализу.

Бесспорно, однако, что показатель этот недостаточен для серьезного экономического анализа, схематичен и, базируясь только на этом показателе и не располагая материалами о динамике всей экономики страны,



можно прийти к неверным выводам, искажающим действительное положение. Одновременно с этим, необходимо указать на то, что даже анализ внешней торговли Персии произведен т. Султанзаде чрезвычайно неполно.

При анализе структуры экспорта и импорта Персии т. Султанзаде не выявил достаточно выпукло характера внешней торговли Персии, чрезвычайно показательного в качестве иллюстрации полукOLONиальной экономики страны в 1927/28 г.: 73% стоимости всего экспорта Персии составляли сырье и полуфабрикаты (в том числе нефть — 57%, хлопок-сырец — 4,5% и т. д.), а 65% импорта — готовые изделия (в том числе хлопчатобумажные, шерстяные и пр. изделия 35%). Помимо сырья и полуфабрикатов остальные статьи персидского экспорта составляют из жизненных припасов (около 10%, главным образом свежие и сушеные фрукты и рис) и готовых изделий (около 17%, в том числе шерстяные ковры 15%).

В персидском импорте, помимо готовых изделий, значительную роль также играют жизненные припасы — около 23% (в том числе: сахар около 12% и чай 7%), сырье и полуфабрикаты — около 8,5%.

Роль отдельных империалистических стран во внешнеторговых оборотах Персии совершенно выпала из поля зрения т. Султанзаде.

Наконец автору необходимо было выпятить основной момент в структуре послевоенной внешней торговли Персии, заключающийся в перенесении центра тяжести как по линии экспорта, так и по линии импорта Персии от СССР к Англии: в 1913/14 г. б. Россия составляла 66,3% всего экспорта Персии, а Англия — 12,5%, в 1927/28 г. доля СССР снизилась до 18,8%, а Англии выросла до 42%; в персидском импорте доля СССР и Англии изменялась следующим образом: в 1913/14 г. б. Россия — 55,4%, Англия — 27,7%, в 1927/28 г. СССР — 25,9%, Англия — 49,5%.

Одновременно с этим необходимо подчеркнуть ряд второстепенных структурных сдвигов во внешней торговле страны, а именно: интенсивный рост экспорта Персии во Францию (4,3% всего экспорта Персии в 1913 г. и 8,1% в 1927/28 г.) и Германию (соответственно 0,1% и 3,2%), а из заокеанских стран в САСШ (0,6% и 7,6%) и Египет (0,6% и 7,8%); вышеуказанные сдвиги в направлении персидского экспорта произошли также за счет резкого снижения доли СССР в общем экспорте страны; точно также в персидском импорте увеличилась, по сравнению с довоенным, роль ряда стран Европы: Франция (3,1% в 1913/14 г. и 4,2% в 1927/28 г.), Италия (соответственно: 0,9 и 4,0) и Бельгия (2,4% и 2,7%); указанные сдвиги в персидском импорте, подобно экспорту, произошли за счет ослабления роли СССР.

Чрезвычайно неполно освещена автором проблема советско-персидских торговых взаимоотношений; т. Султанзаде необходимо было остановиться на структуре и динамике экспорта из Персии в СССР и импорта в Персию из СССР; структура персидского экспорта в СССР мало изменилась по сравнению с довоенной: четыре товарных группы: рис, фрукты (свежие и сушеные), хлопок и шерсть, составлявшие в 1913/14 г. 87% всего экспорта из Персии в СССР, в 1927/28 г. составляли около 70%.

Однако количественно основные предметы персидского экспорта в СССР еще не завершили свой восстановительный процесс: в 1927/28 г. процентное отношение основных групп персидского экспорта в СССР к корреспондирующим цифрам 1913/14 г. было следующим (сравнение производится в натуральных весовых показателях): хлопок — 62%, фрукты — 64,3%, рис — 95% и только экспорт шерсти из Персии в СССР превышает довоенные показатели и составляет 135,9% от экспорта 1913/14 г.

Экспорт СССР в Персию по своей структуре, подобно импорту СССР из Персии, мало отличается от довоенного и определяется двумя товарными группами: сахаром и хлопчатобумажными тканями, которые в 1913/14 г. составляли 76% всего советского экспорта в Персию, а в 1927/28 г. — 71%.

Динамика натуральных (весовых) показателей экспорта СССР в Персию на протяжении 1913/14 и 1925/26 — 1927/28 гг. показывает, что довоенные показатели еще не достигнуты, в частности, экспорт сахара из СССР в Персию составил в 1927/28 г. 54,4% от размеров 1913 г., а хлопчатобумажных тканей — 82,5%.

В рамках журнальной рецензии мы не имеем возможности приводить имеющиеся богатейшие статистические материалы о советско-персидских торговых отношениях; эта задача должна была быть выполнена автором рецензируемой работы.

Помимо внешнеторговых показателей, которые, как мы показали, освещены т. Султанзаде поверхностно и бессистемно — автор не приводит никаких статистических и экономических материалов о развитии страны. Автору следовало бы остановиться на горных богатствах Персии, на возможностях их использования и, наконец, осветить проблему индустриального развития страны.

Персия обладает, помимо нефти, богатейшими запасами угля, железа, меди, олова, марганца, буре, кобальта, никеля и ряда других металлов и минералов, которые, правда, почти не эксплуатируются. Индустриальное развитие Персии — фактической колонии английского империализма — находится в зародышевом состоянии; ее промышленность носит полуремесленный, полукустарный характер, причем иностранная конкуренция тормозит и сковывает развитие национальной индустрии.

В общем промышленность Персии характеризуется преобладанием домашнего ка-

питалистического способа производства и, следовательно, господством примитивных форм производственных процессов. Несколько электропредприятий, прядилен и ковровое производство — вот вся промышленность Персии; предполагаются к постройке цементная фабрика и сахарные заводы.

Анализ сельского хозяйства Персии совершенно отсутствует в рецензируемой работе. Между тем Персия является в основном страной аграрной, сельскохозяйственной. Сельское хозяйство носит экстенсивный характер и только  $\frac{1}{3}$  всей площади страны возделывается; наряду с земледелием в сельском хозяйстве страны чрезвычайно значительную роль играет садоводство, на втором месте стоит животноводство и лесное хозяйство. Сухой климат ставит сельское хозяйство Персии в чрезвычайную зависимость от проблемы орошения; слабо развитая транспортная сеть затрудняет сбыт сел.-хоз. продуктов и одновременно с этим высокие транспортные расходы делают нерентабельным импорт удобрений. Машинизация и механизация сельского хозяйства Персии находится в эмбриональном состоянии, что усугубляется еще недостатком рабочих рук.

Богатейшие лесные массивы, которыми обладает Персия (они лежат в основном на берегах Каспийского моря), почти не эксплуатируются, и экспорт леса составляет ничтожную величину.

Точно так же чрезвычайно неблагоприятны показатели транспортного хозяйства Персии. Протяженность жел. дорог, хотя и выросла с 54 км в 1913 г. до 554 км в 1923 г., тем не менее она составляет всего 0,03 км железных дорог на 1 км<sup>2</sup> территории. Империалистические планы жел.-дор. строительства в Персии выдвигают проблему трансперсидской дороги от Каспийского моря через Тегеран до Персидского залива, при чем постройка этой дороги (ее протяженность намечена в 1.600 км), находящаяся в руках американско-германского общества, уже началась.

Необходимо иметь в виду, что для целей внутреннего сообщения в стране значительную роль играет также сеть автомобильных путей, которая в настоящее время составляет около 2500 км. Вообще процесс автомобилизации Персии происходит весьма интенсивно: в 1924/25 г. было импортировано 529 автомобилей, в 1925/26 г. — 1.111, в 1926/27 г. — 2.258. В настоящее время в Персии насчитывается свыше 3.000 автомобилей (грузовых и легковых).

Структура персидского бюджета чрезвычайно показательна для характеристики народного хозяйства страны: около 40% доходной части бюджета составляют косвенные налоги (на опиум, табак, алкоголь) и пошлины, около 10% — доходы от монополий (табачной и чайной), доходы от гос. имуществ, почт и телеграфа составляют также около 10% и, наконец, прямые налоги составляют всего 14%. Для расходной части бюджета характерны расходы на вооружение сил — 40% всех расходов, и ничтожные расходы на просвещение и здравоохранение (соответственно 4 и 1%).

Преобладание в доходной части бюджета косвенных налогов, пошлин и монополий, т. е. налогов на потребление, и незначительность прямых налогов, а в расходной части — расходов на армию — является яркой иллюстрацией чрезвычайной отсталости персидской экономики и ее полукOLONиального характера.

Большим недочетом рецензируемой работы следует признать отсутствие, хотя бы краткого, географического анализа, что является необходимой предпосылкой серьезного исследования экономики любой страны.

Вторая часть работы т. Султанзаде, посвященная проблемам социально-политического порядка, стоящим перед современной Персией, представляет значительный интерес.

Автор совершенно правильно указывает на то, что: «ни один экономист не может серьезно утверждать, что Персия вступила в фазу индустриализации или быстрого капиталистического развития» (стр. 57) и, далее, что «разговоры» об индустриализации «новой молодой Персии», да еще быстрым темпом — «пустая бессодержательная болтовня» (стр. 60).

Рассматривая политическую историю и современное положение Персии на фоне экономического закабаления страны английским империализмом (в основном, путем нефтяных концессий), автор приходит к выводу о возможности некапиталистического развития Персии и вполне правильно ссылается на тезисы Ленина по национальному и колониальному вопросам, принятые на II конгрессе Коминтерна, п. 7 которых гласит: «...в остальных странах народные массы будут приобщены к коммунизму не через капиталистическое развитие, а путем развития классового самосознания, под руководством сознательного пролетариата передовых стран».

М. Коган.

## НОВЫЕ КНИГИ

**С. И. Прокопович.** Народный доход западно-европейских стран. ГИЗ, 1930, стр. 175. Цена 1 р. 80 к.

Настоящая работа является исследованием динамики народного дохода в капиталистических странах, основанным на большом статистико-экономическом материале, характеризующем фактическое его распределение по странам и социальным группам.

**Ф. А. Цылько.** Пути развития сельского хозяйства СССР в ближайшие пять лет. ГИЗ, 1930 г. стр. 144. Цена 65 коп.

Очерк развития сельского хозяйства Союза в целом и по всем его основным звеньям (совхозы, колхозы, маш.-тракторные станции и индивидуальный сектор).

**Г. С. Крейнин и Я. Е. Рубинштейн.** Экономика нефти. Очерки ГИЗ, 1930 г., стр. 178. Цена 1 р. 40 коп.

Основываясь на хозяйственном значении нефти и роли ее в развитии отдельных отраслей народного хозяйства СССР, авторы всесторонне освещают экономику нефти, ее место в промышленном развитии дореволюционной России и в советском хозяйстве. Отдельная глава отведена борьбе империалистических держав за советскую нефть.

**Проф. К. Я. Загорский.** Экономика транспорта. ГИЗ, 1930 г., стр. 368. Цена 3 р.

Работа К. Я. Загорского представляет собой руководство и пособие для высших учебных заведений по основным вопросам экономики транспорта. На ряду с конкретными транспортными вопросами в книге отведено значительное место и теоретико-экономическим и правовым вопросам.

**Поль де-Рузье.** Современная индустрия. Том I — каменноугольная, нефтяная и гидроэлектрическая промышленность. ГИЗ, 1930 г., стр. 140. Цена 75 к., т. II — металлургия. ГИЗ, 1930, стр. 179. Цена 1 р. 25 коп.

Приводя большой фактический материал, автор — видный буржуазный ученый — дает

характеристику современного состояния капиталистической экономики на фоне послевоенных изменений и затруднений, испытываемых капитализмом. Вся работа является курсом лекций де-Рузье, прочитанных в Народном университете Парижа.

**Рудольф Филипп.** Неизвестный диктатор Томас Батя. Перевод с немецкого. ГИЗ, 1930 г., стр. 264. Цена 1 р. 75 коп.

История крупнейшего предпринимателя Чехо-Словакии так называемого «чехословацкого Форда» — обувного фабриканта Батя, характеристика его системы организации производства, эксплуатации труда, заработной платы, завоевания мирового обувного рынка и т. д.

**Уральские горнопромышленные грузы.** Волго-донская водная магистраль. Изд. Управл. главного инженера строительства Волго-Дона. М. 1930, стр. 98 + 1 карта. Цена 1 руб. 50 коп.

Попытка построить гипотезу о движении с Урала по Волго-донскому пути грузов уральской горной промышленности на основе существующих предположений развития последней в течение десятилетия 1928/29—1937/38 гг.

**Контрольные цифры розвитку народного хозяйства УССР на 1929/30 рік.** Издание Госплана УССР. Харьков, 1930, стр. 456. Цена 3 руб.

Утвержденные 2-й сессией ВУЦИК контрольные цифры народного хозяйства и культурного строительства УССР на 1929/30 г.

**Фабрики и заводы Уральской области.** Труды Уральского областного статистического отдела. Том II. Изд. Уралоблстатотдела. Гор. Свердловск. 1930 г., стр. 264. Цена 8 р.

Настоящее издание является сборником статистических материалов, характеризующих состояние каждого фабрично-заводского предприятия в 1927/28 г. Приводимые позаводские данные являются результатом годового обследования, проведенного по программе Уралоблстатотдела.